
БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ

**КНИГИ МАРИИ ВОРОНОВОЙ –
РОМАНЫ О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ:**

ПОВОД ДЛЯ ЗНАКОМСТВА

АПЕЛЬСИНОВЫЙ СОК

УЮТНАЯ ДУША

КНИЖНАЯ ДЕВОЧКА

МОЙ БЕДНЫЙ БОГАТЫЙ МУЖЧИНА

ЛЮБОВЬ В РЕЖИМЕ ОЖИДАНИЯ

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ СЕВЕРИНЫ

БЛИЗОРУКАЯ ЛЮБОВЬ

РАНДЕВУ НА ГРАНИЦЕ ДОЖДЯ

КРОТКАЯ ЗАСТУПНИЦА

ПРОПУЩЕННЫЙ ВЫЗОВ

КРАДЕНОЕ СЧАСТЬЕ

**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

—~~~~~ *роман* ~~~~~—

**КРАДЕНОЕ
СЧАСТЬЕ**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии *С. Власова*
Фотография на переплете *Е. Адарченко*

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Краденое счастье : роман / Мария Воронова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Большая любовь. Романы М. Вороновой).

ISBN 978-5-699-97118-3

Подполковник Зиганшин уже всё придумал: чтобы жить хорошо и счастливо, нужно жениться на соседке Фриде, рыжеволосой девушке, которая так притягательна, трогательна и умна. Она могла бы гармонично вписаться в его мир, подружиться с его детьми. Но череды страшных преступлений, расследуемых Зиганшиным, все больше отдаляет его от желанной цели, от покоя и сближения с Фридой. Неужели простое человеческое счастье для него невозможно?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Воронова М., 2017
© Адарченко Е., фото на переплете, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97118-3

Самым любимым отдыхом Зиганшина был поход в лес за грибами. Как только начинался сезон, Мстислав Юрьевич доставал с чердака корзину и болотные сапоги и рано утром отправлялся в лес, по счастью, начинавшийся сразу на задах его участка. Отмахивал километров десять или пятнадцать, преодолевал бурелом и болото и, рискуя заблудиться, пробирался в самые глухие лесные уголки.

Не было большей радости, чем среди узловатых корней старой ели, под ржавой прошлогодней хвоей разглядеть крепкую бархатистую шляпку боровика и с замиранием сердца срезать ножку, гадая, червивый или нет. А потом выбраться из чащи на полянку, поросшую густой и высокой травой, поблескивающей от солнечных лучей, предвкушая хороший урожай грибов, которые так любят прятаться в траве.

Зиганшин замечал, что в лесу его покидают обычные тревоги и тягостные раздумья, и вообще в голове становится по-хорошему пусто, мысли текут словно сами собой, неспешные и простые, и в душе воцаряется благодать и спокойствие.

Увы, теперь с одинокими походами в лес пришлось завязать, как и со многими другими привычками.

Три месяца назад трагически погибла единокровная сестра Зиганшина, оставив двоих детей¹, и Мстиславу Юрьевичу пришлось взять племянников к себе, потому что иначе их определили бы в детский дом. Вся жизнь его изменилась, причем совсем не так, как он предполагал, и оказалось, что у него, одинокого холостого мужчины, абсолютно нереалистичные представления о детях, но Зиганшин старался и ни одной секунды не жалел о принятом решении. Наоборот, прошло совсем немного времени, и ему стало казаться, что ребята были с ним всегда, и непонятно, как это он раньше жил один. Как было возможно делать все, что хочется, ни на кого не оглядываясь, и думать только о собственных интересах? Теперь такое нельзя было даже вообразить, и слава богу!

Дети пристрастились ходить за грибами не меньше, чем сам Зиганшин, и любимое времяпрепровождение превратилось в какую-то профанацию. Света с Юрой не могли угнаться за Зиганшиным, поэтому пришлось существенно снизить темп и следить за племянниками, чтобы не заблудились, вместо того чтобы высматривать грибы. У Светы был острый глаз, а Юра еще не умел сосредоточиться, пропускал хорошие грибы, страшно огорчался, и Мстиславу Юрьевичу приходилось деликатно «наводить его на цель», а не складывать добычу в собственную корзинку.

Сегодня Зиганшин привел детей на свое любимое место, в посадки. На островке ровной земли среди болотных кочек лесники высадили ровные, в ниточку, ряды елей, теперь деревья подросли, сплелись ветвями, и нужно было продираться сквозь них, чтобы об-

¹ Прочитать об этом можно в романе М. Вороновой «Пропущенный вызов». — *Прим. ред.*

наружить ярко-желтые россыпи лисичек или заметить вдалеке силуэт благородного дубовика.

Мстислав Юрьевич стал хищно выглядывать добычу. Сегодня ему не везло, а Света, маленькая «хапуга», уже насшибала полкорзинки белых, и то, что девчонка оказалась впереди, сильно бесило Зиганшина.

«Она полностью сконцентрировалась на грибах, а я должен все время за ней и Юрой смотреть, поэтому ничего удивительного, что у нее больше, — думал Зиганшин, злясь на себя, что нуждается в столь детских утешениях. — Итак, большая грибная охота уходит в разряд воспоминаний. Элина, кажется, тоже. Домой ее теперь не позовешь, а суетиться, искать место, ей-богу, того не стоит. Она все время боится, что муж каким-то образом застукает, я переживаю, что дети одни, в общем, никакой радости».

Он вздохнул. Чувствуя, что Элина, давняя любовница и деловой партнер, в глубине души обрадовалась избавлению от сексуального компонента их отношений, Зиганшин не хотел признавать справедливость этого открытия.

«Ладно, заслужила, — улыбнулся он, — любовница — минус, что дальше? Похоже, на очереди служба».

Зиганшин состоял в должности начкрима одного из отделов полиции города. Он не хотел снимать погоны, но необходимость перемен виделась ему все яснее. Дело было не в том, что служба требовала почти все его время, и не в опасностях, которым он изредка подвергался. Если он выйдет в отставку, не станет прохлаждаться на пенсии, а найдет нормальную работу, требующую времени, а может быть, и отваги. Детей надо поднимать и воспитать достойно, а без денег сделать это непросто.

Дело было в другом. Во-первых, Мстислав Юрьевич прекрасно понимал, что достиг своего потолка по службе и до конца просидит в кресле начальника криминальной полиции. Имеется у него один недостаток, погубивший, наверное, не меньше блестящих карьер, чем пристрастие к вину: он слишком хорош на своем месте. Создал дисциплинированный и компетентный коллектив, обеспечил прекрасную раскрываемость, бесперебойное функционирование коррупционных схем... Какой руководитель захочет лишиться столь твердой опоры, пусть даже через служебный рост этой самой опоры?

Да, Зиганшин был королем в своем отделе, но прекрасно понимал, что в масштабе всей шахматной партии он всего лишь пешка, причем именно та самая, которой пожертвуют ради спасения настоящего короля, и в последнее время интуитивно улавливал, что фигуры на доске выстраиваются как-то неблагоприятно.

Пока Мстислав Юрьевич был один, сам по себе, перспектива ареста и суда не слишком его пугала, он принимал ее как неизбежный риск, необходимое условие, чтобы стать кем-то большим, чем простой опер, точно так же, как он, попав на войну, знал, что может быть убит, и мирился с этой мыслью, потому что прослыть трусом казалось еще хуже.

Теперь все изменилось. Что будет с детьми, если его посадят? Никто не станет хлопотать даже о том, чтобы им попасть в хороший детский дом... Пусть они не родные его дети, а племянники, но раз он взял их на воспитание после смерти сестры Наташи, значит, тень его позора ляжет и на них.

Зиганшин нагнулся к поросшей изумрудным мхом кочке, где ему показался боровичок. Нет, всего лишь поганка, с досадой понял он, и тут же заметил желтые шляпки лисичек, причудливой формой похожие на цветы. «Скоро уже осень, — подумал он, глядя, как, кружась, опадают листья с одинокой старой березы, — дети в школу пойдут, надо определяться. Тем более я только что раскрыл серию убийств, самое время уйти, так сказать, под гром аплодисментов».

В том, что он найдет достойное место, Зиганшин не сомневался, гораздо сложнее будет выйти из нынешнего «бизнеса» так, чтобы никто не затаил на него зла, но знал, что справится и с этим.

Тут он увидел метрах в пятнадцати от себя прекрасный белый гриб. Даже на таком расстоянии было понятно, какой он крепкий и ничуть не червивый. Боровик гордо стоял, не скрываясь в хвое и пожухлых листьях, как его собратья, даже странно, что опытный грибник Зиганшин не заметил его раньше.

Мстислав Юрьевич стал выпрямляться, чтобы подойти, но тут чудо заметил Юра и, охнув от восторга, бросился к боровику.

«Вот азартный! — улыбнулся про себя Зиганшин. — Порода наша такая, грибная...»

Тут его будто по голове ударило, он замер с рукой, протянутой к очередной лисичке. Наша порода... Что-то показалось очень важным в этой мысли, и Мстислав Юрьевич нахмурился, чтобы не упустить ее. До этой минуты он воспринимал Свету и Юру как несчастных осиротевших детей своей погибшей сестры, которых ему пришлось взять на воспитание главным образом потому, что никто другой не согласился. Им

руководило чувство долга перед Наташей, ничего больше.

А они же его родные, у них общая кровь! Света с Юрой — внуки его отца, и это очень важно. Пока непонятно, почему важно и что последует из его открытия, которое он покамест сделал больше на уровне сердца, чем разума, но со временем все станет яснее.

Решив немного разведать окрестности, Зиганшин и дети неожиданно очутились в мертвом лесу. Из старого высохшего болота, покрытого травой цвета охры, торчали высохшие серые стволы с остатками коры и в пятнах лишайников. Невысокие и тонкие, они почти беззвучно валились, стоило Зиганшину их задеть.

Дети примолкли, и вдруг воцарилась до неправдоподобности полная тишина. Зиганшин заметил, как между кочек промелькнул и исчез хвост змеи, раздалось тяжелое хлопанье крыльев, и совсем близко от них на мертвое дерево опустилась ворона. Покрутив головой, она каркнула, и Зиганшин почувствовал, как Света прильнула к нему.

Небо вдруг стало стремительно гаснуть, затягиваться тучами, темными, как черника. Поднялся ветер, и Мстислав Юрьевич быстро увел детей обратно в посадки, где, как ему казалось, риск попасть под падающее дерево меньше.

После сильного порыва все снова стихло, и вдруг небо прорезала короткая вспышка белого света, а через секунду прямо над их головами раздался тяжелый и сильный удар грома. Дети вздрогнули, и Зиганшин прижал их к себе, не зная толком, послужат ли его руки какой-нибудь защитой от молнии.

Он посмотрел вверх и едва не ослеп от новой молнии, на секунду словно бы нарисовавшей в сером небе карту реки со всеми притоками. В этот раз громынуло еще быстрее, почти одновременно со вспышкой света, и Зиганшин понял, что они находятся в эпицентре грозы.

Племянница спрятала лицо у него под мышкой, а Юра, кажется, собрался плакать.

— Не бойтесь, — сказал Зиганшин, — перед лицом настоящей опасности нужно сохранять спокойствие. Вот случится какая-нибудь фигня, тогда и попаникуем.

Юра всхлипнул, внимательно посмотрел на него, хотел что-то спросить, но только съежился под новым ударом грома.

— Скорость звука меньше, чем скорость света, — назидательно сообщил Мстислав Юрьевич, — поэтому, если мы слышим гром, то молния уже миновала, не причинив нам вреда. Главное, отставить страх, и все будет хорошо!

— А сейчас настоящая опасность? — прошептал Юра взволнованно, но твердым голосом.

— Ну как, — улыбнулся Мстислав Юрьевич, — не совсем настоящая, но и не настолько ерундовая, чтобы можно было впадать в отчаяние.

— А почему нельзя плакать? — спросила Света. — От нас же ничего не зависит.

Зиганшин постарался сделать из своего тела что-то наподобие навеса для племянников. И, неудобно извернувшись, произнес:

— Очень мало в жизни такого, когда от тебя ничего не зависит. Всегда что-то можно сделать. Вот вы

сейчас начнете плакать, я тоже растеряюсь и не смогу быстро вывести вас из леса.

Тут небо со страшным грохотом будто раскололось, и зарядил такой сильный ливень, что от напора водяных струй у Зиганшина заболела спина. Редкие молодые елочки, под которыми они прятались, несколько не спасали от дождя.

Лило так, что в трех шагах ничего не стало видно, и Зиганшин только надеялся, что сильный дождь не может продолжаться долго. «Хорошо, что Найда с нами не пошла», — подумал он.

Найда все же была не охотничьей, а служебной собакой и не особенно любила походы за грибами, а с тех пор, как некоторые ретивые соседи стали требовать, чтобы Зиганшин водил ее на поводке и в наморднике даже в лесу, он разрешал четвероногой подруге оставаться дома.

За шумом дождя и грозы почти ничего нельзя было слышать. Юра молча дернул Мстислава Юрьевича за руку и показал на дерево за его спиной. Зиганшин обернулся: на ветке сидела совершенно мокрая крупная птица, ястреб или канюк, и, крутя головой, бесстрашно смотрела на людей. Под таким дождем ей не взлететь.

Зиганшин отвернулся и крикнул детям, чтобы тоже не смотрели. Как иначе дать понять птице, что они не враги, а товарищи по несчастью, он не знал.

Гроза стихла так же внезапно, как и началась. Тучи пролились, и небо снова стало чистым и солнечным.

Как Зиганшин ни пытался закрывать детей, все равно они промокли насквозь, поэтому решили двигаться к шоссе и ловить попутку, чтобы быстрее оказаться дома. Лесной тропой до деревни было киломе-

тра четыре, самым быстрым ходом не меньше сорока минут, и Зиганшин боялся, что дети простудятся. Посадив Юру на закорки и взяв все три корзины с грибами, которые хозяйственная племянница наотрез отказалась оставить, Мстислав Юрьевич сказал Свете бежать впереди него и двинулся за ней.

Выйдя на шоссе, Зиганшин остановился. По другую сторону дороги начиналось поле, заросшее сочной высокой травой, где-то совсем далеко виднелись крыши соседней деревни и кроны яблоневого сада, а небо над всей этой бесконечностью висело чистое и голубое, с белым новорожденным облачком, и солнце светило в лицо как ни в чем не бывало. Будто и не прошла только что ужасная гроза. «Вот бы и у людей так, — вздохнул Зиганшин, — погоревал, сколько надо, и снова на душе хорошо и ясно».

Со страшным скрипом и дребезжанием подъехала старая «буханка» цвета хаки, своеобразный раритет, украденный, как подсказывала Мстиславу Юрьевичу оперативная смекалка, из ближайшей воинской части, на котором владелец лесопилки возил небольшие заказы.

Зиганшина в округе уважали, поэтому лесопильщик остановился и принял грибников на борт. Прежде чем залезть в машину, Юра по очереди снял резиновые сапожки, вылил из каждого, наверное, по кружке воды и захохотал. Мстислав Юрьевич подумал, что первый раз после смерти Наташи слышит смех этого мальчика, и тоже улыбнулся.

Возле ворот Зиганшина маячил сосед Лев Абрамович, совершенно сухой, как с завистью отметил хозяин.

Пересидел, значит, грозу дома, а как распогодилось, сразу помчался с очередной нелепой претензией. Не стал даже ждать, пока трава подсохнет.

Выпрыгнув с высокой подножки «буханки», Мстислав Юрьевич пригласил незваного гостя в дом.

Поджатые губы Льва Абрамовича не сулили ничего хорошего, мировая скорбь и вековая мудрость прямо-таки сочились из него, но Зиганшин другого не ждал.

Наскоро извинившись, он усадил гостя в качалку на веранде, отправил Свету переодеваться в сухое, сам быстренько сменил отяжелевшую от воды лесную амуницию на треники и майку, растер Юру махровым полотенцем и наказал одеться в пижаму и шерстяные носки.

Рассудив, что сосед не развалится, если еще пять минут подождет, Мстислав Юрьевич достал из чулана бутылку виски, судя по оформлению, дорогого и пафосного, и пошел растирать детям ноги, чтобы не простудились.

Племянники сидели на кровати Светы, одним клубком с Найдой и ее щенком Пусиком. Как бывает после пережитой опасности, ребята находились в состоянии лихорадочного веселья, но тут уж, понимал Зиганшин, их никак не успокоить, пока не сгорит адреналин.

Натирая Светину узкую ступню, с такими же длинными, как у него самого, пальцами, Зиганшин размышлял, что могло понадобиться старому хрычу.

Семья, состоявшая из деда Льва Абрамовича и внучки Фриды, появилась в деревне около месяца назад. В один прекрасный день в ворота зиганшин-

ского дома постучались. Отворив, Мстислав Юрьевич увидел сухонького старичка с продолговатой головой и унылым носом-огурцом. Старичок был облачен в ковбойку с коротким рукавом и допотопные серые брюки, вид которых почему-то вызывал в памяти старомодный эпитет «штучные». Ремень, туго затянутый на стройной талии старичка, составлял прекрасный ансамбль с босоножками, уместными скорее в музее, чем на ногах живого человека.

Вежливо представившись, старик сообщил, что будет жить в доме напротив и планирует зимовать здесь, значит, есть смысл наладить добрососедские отношения.

Зиганшин изобразил восторг, да, впрочем, и действительно обрадовался. Обычно к середине сентября дачники разъезжались, и он до апреля оставался один в деревне. Пока был сам-перст, одиночество его не тяготило, но с детьми спокойнее знать, что рядом есть живая душа. В случае если он вдруг упадет с лестницы и сломает шею или еще что-нибудь в этом духе, племянникам хоть будет куда бежать.

Мстислав Юрьевич показал Льву Абрамовичу собаку, познакомил со Светой и Юрой, провел по своим владениям, после чего мужчины дружески простились, обменявшись телефонами.

После Зиганшин часто видел нового соседа. Неугомонный дед носился по окрестностям с мольбертом, зарисовывая местные красоты. Его издали можно было узнать по ковбойке, а в холодные дни, на которые оказалось щедро нынешнее лето, по щегольскому хамфри-богартовскому плащу, видимо, ровеснику самого Хамфри Богарта, и по черному берету.